

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прежде нежели приступимъ къ описанію походовъ въ Крымъ, постараемся познакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ военной силы и военного искусства въ Россіи.

У насъ, какъ и въ Западной Европѣ, поземельное владѣніе обязывало, по требованію государя, надѣвать доспѣхъ и идти на войну. Поземельныя имѣнія назывались помѣстьями, если владѣніе землею было пожизненное, и вотчинами, если оно было наследственное (1).

Въ слѣдъ за объявленіемъ войны, разрядный приказъ разсылалъ къ помѣщикамъ и вотчинникамъ распоряженія, кому къ какому времени, въ какомъ вооруженіи надлежало явиться; для этого послѣдняго соображенія принималась въ расчетъ величина оклада, а именно: верстанный значительнымъ окладомъ долженъ былъ явиться съ значительнымъ числомъ слугъ; кто имѣлъ меньшій окладъ, являлся съ меньшею свитою и въ менѣ сложныхъ доспѣхахъ; наконецъ самые бѣдные приходили безъ слугъ, пѣшкомъ, и въ самомъ простомъ вооруженіи. Не мало времени дол-

(1) Дополн. къ Дѣян. Петра В. Голикова, т. III. Труды Вольн. Общества (статья Миллера о Дворян.)—О Россіи и проч. Кошихина.—Ратн. дѣло до Петра В. Устрялова (Библ. для Чт. 1834 г.).—Синбир. Сбор. (ст. Валужева о мѣстничествѣ).—Истор. опис. вооруж. и одеждъ.—О русскомъ войскѣ, Бѣльева.—Русскіе солдаты и проч., въ Современникѣ 1848 года.

жно было уходить на всю эту работу въ разрядномъ приказѣ и на разсылку распоряженій; не менѣе терялось его въ приготовленіяхъ, въ сборахъ окладчиковъ къ походу и наконецъ въ слѣдованіи съ разныхъ концовъ Россіи къ сборному пункту (2). По сборѣ рати, начиналось ея формироваіе; при этомъ наблюдалось, чтобъ ратники одного города или области находились въ одномъ десяткѣ, сотнѣ или полку, —обычай безъ сомнѣнія уцѣлѣвшій со временъ удѣльныхъ, когда областная милиція приходила и становилась каждая въ свое мѣсто подъ знамена великаго князя, почему и въ послѣдствіи сохранились названія полковъ по областямъ: Сѣвскій, Рязанскій и проч.

Полковъ этихъ было постоянно шесть: *Большой*, которымъ командовалъ самъ царь, или главный воевода; *Передовой*, или Новгородскій разрядъ; *Сторожевой*, или Рязанскій разрядъ, полкъ *Правой руки*, или Сѣвскій разрядъ, *Львой руки*, или Низовскій разрядъ, и *Эртоуль*, состоявшій изъ легкоконныхъ войскъ, казаковъ, Калмыковъ, и проч. Любопытно было бы знать составъ этихъ полковъ, въ отношеніи ко всѣмъ тремъ родамъ оружія, а также въ какой пропорціи находились въ нихъ земскіе ратники къ стрѣльцамъ, солдатамъ, прочимъ регулярнымъ ратникамъ; но все это пока еще не разыскано.

Итакъ вотъ каковъ былъ общій составъ старинной нашей арміи, которую по нынѣшнимъ понятіямъ справедливѣе будетъ называть земскимъ ополченіемъ. Кромѣ того мы имѣли войско стрѣлцкое, простиравшееся до 40,000 человѣкъ при царѣ Алексѣѣ, полки солдатскіе (пѣшіе), рейтарскіе, драгунскіе и гусарскіе (конные), и довольно многочисленную артиллерію. Всѣ эти послѣдніе роды военной силы были болѣе или менѣе регулярно-организованы, вооружены, обучены и предовольствованы однообразно, попеченіемъ казны, и потому составляли лучшую часть нашей рати; но вмѣстѣ съ тѣмъ они составляли и весьма малую часть ея, тѣмъ болѣе, что не всѣ стрѣльцы и другіе регулярные полки были выводимы каждый разъ въ походъ, между тѣмъ какъ земское ополченіе простиралось, по свидѣтельству Шлейссинга, служившаго въ Россіи при царевнѣ (3), до 400 т. ратниковъ. А

(2) Распоряженія эти объявлялись по принадлежности на торгахъ, бирючами: могло ли это быть скоро?

(3) Die beiden Zaaren.

каковы могли быть эти ратники, собранные съ разныхъ концовъ государства, изъ людей всѣхъ классовъ и состояній, изъ владѣльцевъ земли, изъ холопей, изъ горожанъ, и даже иногда изъ церковниковъ, обязанные сверхъ того и сами продовольствоваться, какова долженствовала быть эта огромная неустроенная масса, — вообразить себѣ не трудно, да притомъ самые современники оставили намъ ея оцѣнку: «Ученія у нихъ къ бою не бываетъ, говоритъ Кошихинъ, и строю никакого не знаютъ». — «Всѣ они, отзывается стольникъ Чемодановъ (4), бьются разными обычаями: лучшимъ и огненнымъ боемъ, кто которому навыченъ.» Наконецъ Шлейссингъ свидѣтельствуетъ и о духѣ этой рати: по его словамъ, Русскіе бросались на непріятеля бодро и съ крикомъ, подражая Татарамъ; но за то «испугавшись, пускались назадъ какъ зайцы...

Не станемъ обижаться этимъ насмѣшливымъ отзывомъ иностранца, а разсмотримъ, справедливъ ли онъ.

Русскій народъ всегда отличался отвагою, твердостью и равнодушіемъ къ опасности: это блистательно доказано и въ былыя времена подвигами Ермаковъ, Хабаровыхъ, не уступающими по отвагѣ подвигамъ рыцарей западной Европы, такъ же какъ морскіе наѣзды нашихъ Запорожцевъ едва ли менѣе изумительны, чѣмъ предпріятія старинныхъ Нормановъ. Наконецъ природная отважность Русскихъ не подвержена сомнѣнію для того, кто видалъ нашихъ звѣролововъ, мореходовъ, даже кровельщиковъ и каменщиковъ. Тѣмъ не менѣе мы готовы думать, что Шлейссингъ не клеветаетъ, отзываясь насмѣшливо о нашей арміи, и что она по духу своему была несравненно ниже средневѣковыхъ западно-европейскихъ армій. И вотъ почему мы такъ думаемъ. Военную силу западной Европы, въ Средніе Вѣка, составляли рыцари. Ноодно происхожденіе никому не давало еще права на ношеніе рыцарскаго меча; право это пріобрѣталось заслугою, и оружіе вручалось новому рыцарю съ торжественными религіозными обрядами; рыцари были воинами, избранными церковью. Въ уставахъ рыцарскихъ, рядомъ съ обязанностями духовными, и неразлучно съ ними, стояли доблести военныя; послѣднія казались рыцарю столь же священными, какъ

(4) Письмо Чемод. въ Истор. описан. вооруж. и одеждъ и пр.

первыя, и отказаться отъ вызова, побѣжать передъ непріателемъ, считалось для него столь же постыднымъ и преступнымъ, какъ измѣнить религію отцовъ своихъ.

Ничего подобнаго не было въ Россіи; у насъ подъ одни знамена становились и князья и ихъ холопы (а не вассалы, чтò большая разница); ни той страсти къ оружію, ни того искусства владѣть имъ, которыми гордились рыцари, не было между нашими предками, а главное не было въ русской арміи никакой одинаково понимаемой всѣми ея членами идеи военной чести, какъ на Западѣ, которая, равно проникая всѣ ряды воинства, давала бы ему связь и цѣлость, замѣняя такимъ образомъ до нѣкоторой степени дисциплину регулярныхъ армій. Поэтому-то Русскіе, будучи воодушевлены примѣромъ предводителя, «кидались съ воплями и бодро на непріателя»; поэтому же, ожесточившись, «они рѣзались какъ звѣри и были стойки въ защитѣ», какъ въ этомъ признается гетманъ Жолкѣвскій, шедшій разорять православіе и сажать на московскій престолъ королевича... Но когда ни одно изъ этихъ чувствъ не дѣйствовало на Русскихъ— «они бѣжали какъ зайцы».

Предки наши имѣли *натуральную* храбрость, тѣ же свойства, которыми отличаются Арабы и наши кавказскіе горцы. Они тоже нападаютъ на непріателя стремглавъ, не просятъ пощады, когда ожесточены, но часто также пускаются на уходъ, не видя въ этомъ безчестія, и никто конечно не назоветъ ни Черкесовъ, ни Кабиловъ народомъ не храбымъ, по тому только, что храбрость ихъ не имѣетъ условныхъ качествъ храбрости рыцарей. При этомъ не надо забывать, что всѣ выше приведенные не лестные отзывы относятся собственно къ земской рати, ибо тотъ же Шлейссингъ оказываетъ больше уваженія къ стрѣльцамъ и говоритъ, что они часто выручали ее. Безъ сомнѣнія солдатскіе и рейтарскіе полки были еще лучше, но они составляли лишь малую часть всей нашей вооруженной силы.

Таковы были устройство и духъ старинной нашей рати; изъ сказаннаго можно угадать, что и военное образованіе полководцевъ нашихъ было не высоко; но чтобъ точнѣе опредѣлить современное Голицыну состояніе стратегіи въ Россіи, разкажемъ въ нѣсколькихъ чертахъ походъ князя Ромодановскаго въ 1678 году

Утвержденная за нами Андрусовскимъ договоромъ лѣвая сто-

рона Днѣпра и прилежащая къ ней Украина были довольно спокойны; но Украина за-днѣпровская была раздираема Поляками и Турками, которымъ поочередно поддавался гетманъ Дорошенко. Царь Ѳеодоръ, находясь въ мирѣ съ Польшею, по приглашенію ея короля выдвинулъ свою рать для укрощенія непокорнаго Дорошенка, который, увлекая своихъ единоземцевъ приманками своеволія, надеждою на добычу и примѣромъ собственной отваги, смущалъ и казаковъ русской Украины. Князь Ромодановскій командовалъ русскою ратью. Онъ взялъ Чигиринъ, главный городъ Дорошенка, и оставивъ въ ономъ пятнадцатитысячный гарнизонъ подъ начальствомъ воеводы Ржевскаго, отступилъ съ приближеніемъ зимы за Днѣпръ.

Весною 1679 года, Дорошенко кликнулъ своихъ новыхъ союзниковъ Турокъ и Татаръ громить русскія границы (5). Вѣроятно же было ожидать, что непріятель кинется на Чигиринъ, но были однакожь слухи, заставлявшіе опасаться и за Кіевъ. Поэтому воевода нашъ благоразумно расположился на лѣвомъ берегу Днѣпра, между обоими этими городами, такъ что могъ, смотря по надобности, подать помощь тому или другому. У него было до ста тысячъ войска, и притомъ еще слѣдовали къ нему на усиленіе Донскіе казаки и Калмыки. Между тѣмъ Турки отъ Днѣпра, Татары отъ Перекопа медленно двигались равнинами за-днѣпровской Украины, и наконецъ 10 іюля появились въ виду Чигирина, въ числѣ свыше ста тысячъ человѣкъ. Гарнизонъ же нашъ хотя и получилъ подкрѣпленія отъ Ромодановскаго, но едва ли насчитывалось въ немъ войска больше 15 т. человѣкъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ простой здравый смыслъ указывалъ, что надлежало дѣлать нашему воеводѣ: не медля ни минуты перейти Днѣпръ и кинуться на непріятеля, пока онъ не успѣлъ еще укрѣпиться въ своемъ лагерѣ, при чемъ незначительный перевѣсъ турецкихъ силъ съ лихвою вознаграждался бы содѣйствіемъ гарнизона. Князь Ромодановскій однакожь поступилъ иначе.

(5) При описаніи этого похода мы, кромѣ сочиненія Бантышъ-Каменскаго, имѣли въ виду Ист. Рус. Кописскаго; *Geschichte d. Ukraine*, v. Engel; *Hist. de l'Emp. Ottom.*, p. Hammer, и *Tagebuch v. Gen. Gordon*. Писатели эти довольно значительно разнорѣчатъ между собою; Гордонъ самъ участвовалъ въ защитѣ Чигирина и потому во всемъ, что касается до гарнизона и крѣпости, мы принимаемъ его за авторитетъ.

Замѣчательно при этомъ, что онъ исполнилъ труднѣйшую половину задачи,—переправился вблизи непріятеля чрезъ большую рѣку; но ударить на непріятеля не отважился; для этого онъ считалъ необходимымъ прибытіе Донцевъ и Калмыковъ. По видимому наши войска въ старину не могли вступить въ бой съ Турками и Татарами иначе какъ въ равныхъ или даже превосходныхъ силахъ.

Между тѣмъ гарнизонъ начиналъ бѣдствовать. Осаду непріятель повелъ круто; громилъ непрерывно своими пушками укрѣпленія, жегъ гранатами городъ, кидался въ проломы. Ржевскій просилъ у князя помощи, указывалъ на возможность паденія Чигирина, но онъ не двигался. Противъ него конечно выслана была нѣкоторая часть войскъ, но это было или просто обсервационный отрядъ, или хотя и корпусъ болѣе самостоятельный, но во всякомъ случаѣ значительно уступавшій нашей рати силою; тѣмъ не менѣе, только по присоединеніи къ себѣ давно-ожиданныхъ Донцевъ и Калмыковъ, и именно 31 іюля, воевода нашъ рѣшился двинуться впередъ. Это «внезапное и отважное», какъ замѣчаетъ Бантышъ-Каменскій, наступленіе русской рати, разумѣется, принудило отдѣленный противъ нея отрядъ отступить, и Ржевскій увидѣлъ наконецъ 4 августа, послѣ почти четырехнедѣльной тѣсной осады, съ высоты полуразрушенныхъ стѣнъ Чигирина, станъ князя Ромодановскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и близкую минуту освобожденія. Визирь же напротивъ готовъ былъ отвести свои войска. И тотъ и другой разумѣется ожидали, что князь, давъ отдохнуть рати, стремительно ударить на осаждающихъ. Но наступилъ и прошелъ слѣдующій день, князь не трогался съ мѣста. Гарнизонъ смутился духомъ, непріятель же напротивъ съ новою яростію полѣзъ на полуразрушенныя стѣны. Прошло еще нѣсколькихъ дней, и Ржевскій получилъ 8 августа повелѣніе оставить Чигиринъ, а укрѣпленіе взорвать... Такъ велъ войну въ исходѣ XVII вѣка полководецъ, считавшійся современниками знаменитымъ (6).

Нѣкоторые изъ писателей, у которыхъ почерпаются извѣстія объ этой осадѣ, свидѣтельствуютъ, что гарнизонъ при этомъ напился пьянъ, и что непріятель, ворвавшись въ городъ, рѣзалъ Русскихъ почти безъ сопротивленія, кромѣ небольшой кучки людей, кото-

(6) Матв. 24.

рая оружіемъ открыла себѣ путь до стана князя Ромодановскаго. Генераль Гордонъ, участвовавшій въ оборонѣ Чигирина, не упоминаетъ объ этомъ; но онъ горько жалуется на неповиновеніе и безпорядки, господствовавшіе при отступленіи отъ Чигирина. Весьма можетъ быть, что эти безпорядки и неповиновеніе произошли отъ нетрезвости гарнизона; если вино было въ крѣпости, то болѣе нежели вѣроятно, что оно было при этомъ случаѣ выпито, и слѣдовательно единства дѣйствія при отступленіи не было.

Мы не безъ намѣренія распространились въ описаніи чигиринскаго похода: въ немъ заключаются образчики и свойствъ и духа русской рати того времени, и мѣра военныхъ понятій нашихъ полководцевъ. Ничтожный гарнизонъ въ теченіи мѣсяца отбивается за своими разрушенными стѣнами, противу въ семь разъ сильнѣйшаго непріятеля, а потомъ этотъ же гарнизонъ, въ рѣшительную минуту, напивается пьянъ; стотысячная русская армія не рѣшается атаковать равносильнаго непріятеля, даетъ погибнуть крѣпости и гарнизону, и небольшая кучка людей пробивается сквозь полчища Турокъ! все, что сказано было нами выше, лестный отзывъ Жолкѣвскаго и насмѣшливое замѣчаніе Шлейссинга, все это заключается въ чигиринскомъ походѣ Ромодановскаго.

И такъ мы знаемъ, какую ратью долженъ былъ командовать Голицынъ въ предстоящемъ походѣ и у какихъ учителей учился онъ военному искусству: мы считали не излишнимъ коснуться всего этого, чтобы сдѣлать безпристрастную оцѣнку крымскимъ походамъ; теперь приступимъ къ самому ихъ изложенію.

3 сентября 1686 года обнародованъ указъ готовиться къ походу противъ Крыма (7). Постигая важность предпринимаемаго дѣла, правительство взяло мѣры, чтобы армія, которую оно собиралось двинуть, была какъ можно сильнѣе; помѣщикамъ, которые по болѣзни и старости не могли явиться въ рать, велѣно было передавать свои помѣстья сыновьямъ или ближнимъ родственникамъ, такъ чтобъ комплектъ арміи во всякомъ случаѣ не уменьшался (8). Ратнымъ людямъ были даны отсрочки для уплаты разныхъ лежавшихъ на нихъ повинностей, тяжёбныя дѣла ихъ велѣно пріоста-

(7) Полн. Собр. Зак., т. II, № 1205.

(8) Тамъ же № 1220.

новить и не принимать отъ нихъ новыхъ жалобъ (9), словомъ, всѣ затрудненія и отговорки, могшія задерживать или уменьшить сборъ ратниковъ, устранены, всѣ прочія второстепенныя, частныя соображенія подчинились приготовленіямъ къ походу въ Крымъ. При такихъ энергическихъ мѣрахъ правительства мы готовы согласиться, что армія, собравшаяся къ предстоявшему походу, состояла изъ 200 т., какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, хотя другіе не возводятъ ея выше 100 т. а другіе даже 40 т. человекъ.

Видно однакожь, что работа разряднаго приказа шла медленно, и что медленны были сборы старинной русской рати, потому что, не взирая на условіе договора съ Польшею, ратнымъ людямъ вѣльно было собраться только къ 25 числу февраля 1687 года (10). Но въ этотъ срокъ приготовленія не были еще кончены: медленность есть отличительная черта военнаго искусства въ старину и не у насъ однихъ; а между тѣмъ, по окончаніи кампаніи, ратные люди получили похвалу (11) за то, что они шли на сборъ съ поспѣшеніемъ.

Крымцы были проворнѣе насъ. Пока армія русская собиралась на границы Украины, многочисленная ихъ партія вторглась въ окрестности Изюма, но была однакожь сильно отбита воеводою княземъ Козловскимъ, который гнался за нею двадцать верстъ (12). Другія болѣе или менѣе сильныя партіи Татаръ, одна за другою, тревожили наши границы: нѣкоторыя изъ нихъ были отбиваемы съ урономъ, другія разоряли наши села, уводили плѣнныхъ, угоняли табуны. Война началась, но воеводы наши, по крайней мѣрѣ главный, еще находился въ Москвѣ. Наконецъ онъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ генераломъ Гордономъ 4 мая.

Армія русская была уже въ сборѣ. Большимъ полкомъ начальствовалъ самъ главный воевода, князь В. Голицынъ, а подъ нимъ ближній бояринъ князь Конст. Осиповичъ Щербатовъ, околичій Венед. Андр. Зміевъ, генералъ Аггей Алекс. Шепелевъ, да думный дьякъ Украинцевъ; Новгородскимъ разрядомъ: бояринъ Алексѣй Семен. Шейнъ и околичій князь Дан. Аван. Барятинъ.

(9) Тамъ же № 1226.

(10) Георг. Конис., Ист. Рус.—Engel, Geschichte d. Ukraine.—Баят.-Кам., Ист. Малой Россіи.

(11) Полн. Собр. Зак., т. II № 1258.

(12) Крепш. 76.

скій; Рязанскимъ: бояринъ князь Влад. Дмитр. Долгорукій и окольникій Скуратовъ; Сѣвскимъ окольникій Леонт. Ром. Неплюевъ; Низовскимъ: думный дворянинъ Иванъ Юрьев. Леонтьевъ и Вас. Мих. Мамоновъ—Дмитріевъ; Бѣлгородскимъ бояринъ Бор. Петр. Шереметевъ; наконецъ въ Эртоулѣ былъ самъ гетманъ Самойловичъ съ своими казаками (13).

Вся эта пестрая и не весьма стройная масса пѣхотинцевъ, конныхъ воиновъ, артиллеріи, повозокъ, вьючныхъ лошадей, слугъ и холопей тронулась наконецъ широкою степью съ украинской границы нашей. Крымцы не показывались, по крайней мѣрѣ въ значительныхъ силахъ, но зорко сторожили русскую армію: мохнатые ихъ шапки выглядывали на высотѣ степныхъ кургановъ между высокими травами, и мгновенно исчезали, какъ скоро войска начали къ нимъ приближаться.

Что-то недоброе, зловѣщее чувствовалось въ этомъ невидимомъ, скрытомъ, но бдительномъ надзорѣ непріятеля: мы шли, подвигаясь медленно, осторожно, какъ бы чего-то опасаясь, и вотъ скоро открылось, что это невольное смущеніе, это ожиданіе чего-то недобраго были не напрасны. Степной вѣтеръ сталъ иногда приносить какой-то запахъ гари; днемъ съ южной стороны на горизонтѣ стали замѣчать облака черного дыма, а ночью весь край небосклона освѣщался заревомъ... 12 іюня, подойдя къ Конскимъ водамъ, убѣдились, что *степь горитъ!*..

Пишущій эти строки имѣлъ случай видѣть горящую степь; трудно вообразить себѣ зрѣлище болѣе грозное и ужасное. Пламя стелется по землѣ, и такъ-сказать подрѣзываетъ злакъ у самого корня; пожаръ ползетъ какъ стадо змѣй, только клубы дыма да валящіеся ряды травы обнаруживаютъ присутствіе страшнаго бича, а позади стелется черная, обгорѣвшая, чуть дымящаяся равнина. Но при малѣйшемъ порывѣ вѣтра огненные змѣи вскидываются, поднимаются столбами, кружатся, перекидываются, перебѣгаютъ поверхъ высокихъ травъ и мейкаго степнаго кустарника; черныя облака клубятся, летятъ предвѣстникомъ разрушенія, обдаютъ горькимъ запахомъ, осыпаютъ пепломъ. Звѣри, стаи птицъ, испуганные приближеніемъ страшнаго врага, съ крикомъ несутся во весь духъ; но огненная лава, не зная ни устали, ни от-

(13) Акт. Археогр. Эксп., т. IV, № 292.

дыха, иногда нагоняетъ и истребляетъ ихъ, и все что ни встрѣчаетъ она, все исчезаетъ при ея прикосновеніи: одинокое ли дерево, забытый ли курень, богатый ли хуторъ,—все гибнетъ безъ слѣда; ручьи пересыхаютъ; болота сравниваются со степью.

Таково было зрѣлище, представившееся русскому войску, и таковъ непріятель, съ которымъ должно было ему бороться. 13 числа собранъ былъ военный совѣтъ, чтобъ рѣшить: идти ли далѣе, или возвратиться. Рѣшено было идти. Не зная близко всѣхъ подробностей и обстоятельствъ, предложенныхъ разсмотрѣнію этого совѣта, не довольно близко зная и самую мѣстность, простиравшуюся по пути слѣдованія, мы затрудняемся, чрезъ двѣсти почти лѣтъ, сказать, основательно или нѣтъ было это рѣшеніе совѣта. Кажется благоразумнѣе было бы приостановиться, чтобы дать пожару потухнуть, пожрать самому себя, а между тѣмъ запастись провіантомъ, въ которомъ скоро, какъ увидимъ, оказался недостатокъ. Но если и необходимо было рѣшиться идти немедленно, то слѣдовало держаться Днѣпра, чрезъ что войско избѣгло бы страданія отъ жажды, а фуражъ всегда можно было добывать съ противоположнаго берега; у Каховки должно было оставить Днѣпръ и пуститься голою степью, тамъ гдѣ нынче идетъ дорога изъ Екатеринославля въ Перекопъ: но здѣсь всего семьдесятъ верстъ, и на этомъ разстояніи, почти на половинѣ его, протекаетъ рѣчка Чаплынка, на которой армія могла бы имѣть ночлегъ.

Свойства мѣстности не представляли, слѣдовательно, такихъ преградъ, которыхъ не могъ бы преодолѣть полководецъ съ хорошими военными способностями, съ энергіей и съ познаніями въ военномъ искусствѣ; но ни теорій, которыми бы можно было руководствоваться; ни примѣровъ не существовало для Голицына, какъ и для всякаго русскаго полководца того времени; армія его была тяжела, медленна, обременена обозомъ, и конечно не въ состояніи была бы въ два дня перейти семьдесятъ верстъ; поэтому рѣшеніе — идти впередъ, должно считать дѣломъ весьма отважнымъ, но едва ли благоразумнымъ, тѣмъ болѣе что Голицынъ повелъ свое войско не берегомъ Днѣпра, а, сколько можно судить по довольно смутнымъ извѣстіямъ, прямо степью, вѣроятно желая сократить дорогу: но этимъ путемъ онъ выигрывалъ не болѣе пятидесяти верстъ, а между тѣмъ лишенъ былъ воды, едва оты-

скивая для ночлеговъ гнилые, болотистые степные ручьи, «отъ пыли же пожарной людямъ и лошадамъ чинилась тягота».

Такъ шли два дня, пробираясь иногда по тлѣющимъ корнямъ травъ, ступая по распаяенной почвѣ. 16-го іюня пролился сильный дождь, который нѣсколько освѣжилъ воздухъ, но съ другой стороны сдѣлалъ переправы чрезъ нѣкоторые болотистые ручьи довольно затруднительными и не прекратилъ пожара, не возбудилъ растительности въ пожженной почвѣ; армія проходила въ день отъ пяти до десяти верстъ, задыхаясь отъ дыма, едва волоча орудія и повозки на отоцалыхъ лошадяхъ, поминутно опасаясь, чтобъ не взорвало порохъ отъ искръ, носившихся въ воздухѣ и тлѣвшихъ подъ ногами.

Въ этомъ бѣдственномъ положеніи она добралась до Днѣпровскихъ заливовъ пониже Рогачина; но здѣсь остановилась, потому что Голицынъ объявилъ, что въ провіантъ начинаетъ оказываться недостатокъ. Это показалось, и дѣйствительно могло показаться страннымъ: если его было мало взято съ собою—ошибка непростительная; если же онъ израсходованъ не въ надлежащей мѣрѣ, то это преступленіе. Составился вторичный совѣтъ, который, осмотрѣвъ наличный провіантъ, нашелъ, что его взято слишкомъ мало, и не достанетъ для обратнаго слѣдованія, если армія будетъ продолжать подвигаться къ Перекопу. Поэтому тѣмъ же совѣтомъ опредѣлено начать отступленіе, отправивъ на противоположную сторону Днѣпра околичнаго Неплюева и генерала Косогова съ 20 т. войска для дѣйствія противъ турецкихъ крѣпостей, на немъ расположенныхъ, и для удержанія ихъ гарнизоновъ отъ преслѣдованія главной нашей арміи.

Этому недостатку провіанта многіе изъ позднѣйшихъ писателей приписываютъ неудачу похода, и слѣдовательно возлагаютъ всю отвѣтственность на Голицына; но замѣчательно то, что Гордонъ, записывавшій малѣйшія подробности похода въ своемъ дневникѣ, вовсе не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, что заставляетъ сильно подозрѣвать, не было ли извѣстіе о недостаткѣ провіанта одною изъ многочисленныхъ клеветъ, распущенныкъ на главнокомандующаго? И въ этомъ послѣднемъ случаѣ безпристрастное потомство должно найти Голицына виновнымъ только въ томъ, что онъ не избралъ длиннѣйшей, но безопаснѣйшей и удобнѣйшей изъ двухъ предстоявшихъ его арміи дорогъ: ошибка, весь-

на извинительная при тогдашнемъ состояніи военного искусства въ Россіи.

Есть другое обвиненіе, гораздо болѣе серіозное и важное, лежащее на памяти Голицына, какъ военачальника, обвиненіе въ томъ, что онъ далъ ослабнуть повиновенію и порядку, что онъ выпустилъ изъ рукъ своихъ власть, которая тѣмъ сильнѣе и нераздѣльнѣе должна быть сосредоточена въ рукахъ главнаго вождя, чѣмъ затруднительнѣе окружающія его обстоятельства. Думая отклонить отъ себя часть отвѣтственности, онъ безпрестанно собиралъ военные совѣты. Чтожь вышло изъ этого? сначала второстепенные начальники, а за ними и все войско стали разсуждать о стратегическихъ цѣляхъ, и единоначаліе, душа арміи, исчезло. Повторяемъ, Голицынъ не могъ быть хорошимъ полководцемъ: у него не доставало для того ни энергіи, ни твердости характера.

Сознавая вѣроятно свои ошибки, горько размышляя о торжествѣ враговъ своихъ въ Москвѣ, беспокойный можетъ быть и насчетъ милости къ нему самой правительницы, печальный и раздраженный посреди ропщущей арміи, Голицынъ придумывалъ, какъ отвратить собиравшуюся надъ нимъ грозу. Въ это время дошелъ до него слухъ, ходившій въ войскѣ, что не Татары, а сами казаки, по тайному повелѣнію Самойловича, запалили степь...

Кто распространилъ этотъ слухъ? положительно неизвѣстно, но догадываться и предположить съ большою вѣроятностію—нетрудно. Между людьми, имѣвшими по своему положенію возможность близко видѣть затруднительныя обстоятельства главнокомандующаго, былъ одинъ хитрый человекъ, умѣвшій изъ всѣхъ положеній извлекать личную пользу, человекъ, нѣкогда преданный Дорошенку, въ настоящее время пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Самойловича, служившій поочередно Турціи, Польнѣ и Россіи, и поочередно всѣмъ имъ измѣнявшій: человекъ этотъ былъ Мазепа. Честолюбіе снѣдало Мазепу: онъ достигъ своими способностями и происками значительнаго между казаками сана генеральнаго эсаула: ему оставался одинъ шагъ до гетманскихъ к лейнодъ, и этотъ-то шагъ надо было ему сдѣлать.

Еще современи похода Ромодановскаго, Голицынъ и Самойловичъ находились въ неприятныхъ между собою отношеніяхъ (14).

(14) Tageb. d. G. Gord. II, 180.

Предположеніе перваго изъ нихъ начать войну съ Крымомъ встрѣтило противорѣчіе и неодобреніе втораго (15); когда же война эта пошла неудачно, то гетманъ не могъ отказать своему самолюбію въ удовольствіи громко и горько порицать неодобренное имъ предпріятіе. Къ несчастію, между казаками у него много было недоброжелателей, отчасти вѣроятно завистниковъ, а отчасти недовольныхъ его правленіемъ, людей обвинявшихъ его за скупость, потворство роднѣ, лихоимство и за введеніе откуповъ на водку (16), а потому слухъ, ловко пущенный въ ходъ, быстро распространился.

Кѣмъ онъ былъ выпущенъ, повторяемъ, положительно неизвѣстно; но паденіе гетмана было такъ выгодно Мазепѣ, онъ такъ искусно воспользовался этимъ паденіемъ, что трудно предполагать когонибудь другаго творцомъ всей этой огромной интриги; во всякомъ случаѣ онъ первый, вмѣстѣ съ нѣкоторыми войсковыми сановниками, подалъ доносъ главнокомандующему (17). Вѣрилъ ли сей послѣдній этому доносу? сомнительно; но измѣна Самойловича спасала репутацію главнокомандующаго, и онъ рѣшился принять и отпрavitить въ Москву челобитную недовольныхъ казаковъ, а между тѣмъ къ гетману приставленъ былъ караулъ подъ предлогомъ его охраненія.

Армія русская между тѣмъ совершала обратное, движеніе почти не тревожимая Татарами и вступила 11-го іюля въ русскіе предѣлы, гдѣ и расположилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній изъ Москвы. Убыль ея была не весьма велика, судя по крайней мѣрѣ по тому, что въ дивизіи Гордона, выступившей въ числѣ 5902 человекъ, по возвращеніи оказалась на лицо 5326 человекъ.

Наконецъ 22 іюля пріѣхалъ гонецъ съ рѣшеніемъ на челобитную противъ Самойловича; рѣшеніе это состояло въ томъ, чтобы смѣнить его, «буде онъ казакомъ негоденъ, и сослать куда пристойно» (18). Немедленно были потребованы къ главнокомандующему русскіе полковники, приставленные къ гетману (въ числѣ двухъ) для охраненія его противъ буйства казаковъ и для надзо-

(15) Ист. Малой Рос. Бант.-Кам. т. II. 167

(16) Тамъ же 175.

(17) Полн. Собр. Зак. т. II № 1252.

(18) Полн. Собр. Зак. т. II № 1254.

ра за шимъ; имъ велѣно было усугубить бдительность, а съ наступленіемъ ночи приняты были новыя мѣры противъ покушеній какъ преданныхъ ему людей, такъ и противъ его враговъ. Все это дѣлалось сколь возможно тише, чтобъ не произвести въ войскѣ безпорядковъ и даже не дать о томъ замѣтить гетману (19).

Въ полночь Кочубей, бывшій въ числѣ подписчиковъ доноса, увѣдомилъ Голицына, что всѣ нужныя предосторожности взяты, что караулы вокругъ ставки гетмана разставлены; на разсвѣтѣ приказано было схватить плѣнника, вмѣстѣ съ его сыномъ; но его не было уже въ палаткѣ, онъ слушалъ заутреню въ походной церкви. По окончаніи божественной службы гетманъ былъ арестованъ. Между тѣмъ сынъ его Яковъ, который, узнавъ еще ночью объ опасности гетмана, тщетно старался предупредить его объ ней, бродилъ всю ночь вокругъ плотно-сдвинутой цѣпи часовыхъ и только на разсвѣтѣ успѣлъ пробраться между новозками; но тутъ же былъ схваченъ и вмѣстѣ съ отцомъ привезенъ въ станъ главнаго воеводы подъ крѣпкимъ карауломъ стрѣльцовъ.

Немедленно приглашены казачьи полковники и важнѣйшіе савновники Украинскаго войска; по требованію Голицына они повторили обвиненія противъ своего гетмана, изложенныя въ доносѣ, жаловались на его притѣсненія, и обвиняли въ измѣнѣ. Приглашенъ былъ и Самойловичъ; онъ явился полуодѣтый, въ томъ видѣ, какъ былъ захваченъ за утреннюю молитвою, но съ булавою, символомъ своего достоинства; голова его была повязана платкомъ, по случаю глазной боли. Воевода объявилъ ему о изведенномъ на него обвиненіи. Самойловичъ началъ оправдываться, объяснять дѣло; но буйные враги его зашумѣли, схватились за сабли; главнокомандующій удержалъ ихъ и, не продолжая изслѣдованія, передалъ гетмана оберегавшимъ его стрѣльцамъ, которые и увели его, а собранію прочитанъ былъ царскій указъ объ отрѣшеніи Самойловича и объ избраніи на его мѣсто новаго гетмана.

Вѣсть объ этомъ, какъ должно было ожидать, произвела волненіе между казаками, волненіе однакожь не въ пользу отрѣшеннаго гетмана, а вызванное напротивъ радостію о его паденіи и еще болѣе чувствомъ дикой необузданности, полнаго безначалія.

(19) Tageb. d. G. Gord. II, 184 и слѣд.

Для предупрежденія безпорядковъ нашлись вынужденными послать отрядъ войска въ казачій лагерь и отложить избраніе новаго гетмана не далѣе 25 числа.

Въ слѣдующій день, 24 іюля, сильно работали головы знатнѣйшихъ чиновниковъ казачьяго войска; составлялись сходки, совѣщанія; каждый старался приобрѣтать голоса въ свою пользу; вывѣдывали мнѣніе главнаго воеводы; второстепенныя лица дѣлили между собою полки, заранѣе устраяя приверженцевъ Самойловича... Наконѣцъ наступило 25 число. На равнинѣ, между главнымъ и казачьимъ лагеремъ, разбита была церковная палатка; вокругъ нея съ ранняго утра толпились казаки верхомъ и пѣшкомъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Голицынъ; толпа разступилась передъ нимъ; сопровождаемый знатнѣйшими казаками, онъ направился въ церковь, молился тамъ въ продолженіе четверти часа, и потомъ подойдя къ гетманскимъ клейподамъ, разложеннымъ близъ ставки, пригласилъ казаковъ по старому обыкновенію избрать себѣ гетмана вольными голосами. Глубокое молчаніе воцарилось при этихъ словахъ, потомъ начали собираться кружки, кучки; въ разныхъ мѣстахъ послышалось имя Ивана Мазепы, въ другихъ имя генеральнаго обознаго Барковскаго; голоса становились шумнѣе; имя Мазепы произносилось громче и чаще, и наконецъ вся толпа провозгласила его. Тогда главный воевода еще разъ спросилъ казаковъ: «кого они желаютъ?» и получивъ отвѣтъ: «Мазепу», — передалъ ему бунчукъ, булаву и царское знамя. Потомъ прочитаны въ слухъ договорныя статьи и клятвенное обѣщаніе, которыя новый гетманъ и знатнѣйшіе саповники подписали при громкихъ крикахъ толпы, всегда обольщающей новизною...

Въ это время несчастный Самойловичъ, вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ своимъ, въ простой телѣгѣ, закрытой, чтобъ избавиться отъ поруганій, медленно подвигался къ мѣсту ссылки, лишенный всего своего имущества, разлученный съ семьею, запятанный подозрѣніемъ въ измѣнѣ... Въ какой степени можно вѣрить этому обвиненію? Вообще все это дѣло не довольно раскрыто, но изъ того, что въ настоящее время извѣстно, конечно нельзя произнести приговора надъ Самойловичемъ; его обвиняли въ измѣнѣ: но представили ль хоть одинъ документъ? Говорили, что по его приказанію подожена степь: но представлена ли улика? Другія

обвиненія: въ лихоимствѣ, пристрастїи, несправедливости, не входятъ въ нашъ предметъ; но, какъ кажется, они не лишены основанія: чѣмъ иначе объяснить всеобщее нерасположеніе къ гетману, простиравшееся до того, что ни одинъ голосъ не возвысился въ его защиту? неужели однимъ страхомъ раздѣлить его судьбу, малодушіемъ, моральнымъ униженіемъ цѣлаго народа, — не лишеннаго впрочемъ доблестей?... Наконецъ, какъ согласить въ этомъ дѣлѣ дѣйствіе прославленнаго героя вѣрности, мученика правды, Кочубея, съ невинностію гетмана?... Во всякомъ случаѣ отрѣшеніе Самойловича, лишенное всякой законной формы, лежитъ чернымъ пятномъ на памяти Голицына, и исторія должна осудить его за это строже, нежели за казнь Хованскаго, потому что оно не оправдывается государственною необходимостію, а объясняется доходящимъ въ честолюбцахъ до свирѣпости желаніемъ удержать за собою колеблющуюся власть. Исторія представляетъ много подобныхъ примѣровъ, отъ Октавія Августа, жертвующаго Цицерономъ своему честолюбію, до Наполеона, разстрѣливающаго герцога Ангенскаго!...

Совершивъ избраніе новаго гетмана, воевода занялся сооруженіемъ на рѣкѣ Самарѣ укрѣпленія, названнаго Богородицкимъ, которое должно было служить оплотомъ противу набѣговъ Татаръ и складочнымъ мѣстомъ въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Крыма. Часть арміи была оставлена для охраненія границы; остальная распущена по домамъ.

Какovy бы ни были дѣйствительные результаты похода въ Крымъ и каково бы ни было народное о немъ мнѣніе, царевна сочла нужнымъ объявить торжественное одобреніе своему любимцу; онъ и главнѣйшіе его сподвижники были осыпаны щедротами, и все войско получило награды даже до послѣдняго стрѣльца... (20) Старшій царь не возражалъ противъ дѣйствій сестры своей, но Петръ не скрывалъ своего неудовольствія; онъ громко говорилъ, что походъ этотъ только раздражилъ Татаръ (21), и, сказываютъ, не хотѣлъ видѣть Голицына; онъ началъ ходить въ думу и принимать участіе въ правленіи, которымъ былъ недоволенъ... Царевна увидѣла и поняла, что гроза собирается надъ нею. Необхо-

(20) Полн. Собран. Закон. т. II № 1258.

(21) Крекш. 76.

димо было, чтобъ громкій подвигъ придалъ блескъ ея правленію, и возвратилъ ему прочность; таковымъ казался новый походъ противъ Крыма.

Обстоятельства на этотъ разъ еще болѣе прежняго благоприятствовали предположенію правительницы. Никогда еще Турецкая имперія не находилась въ столь опасномъ положеніи. Въ то время какъ Россія такъ неудачно ратовала противъ Крыма, Собиесскій овладѣлъ почти всею Подоліею и проникъ въ Молдавію; имперскія войска съ своей стороны очистили Венгрію и жестоко разбили Турокъ при Могачѣ, а венеціанскій флотъ овладѣлъ почти всѣми приморскими городами Мореи, и многими островами въ Архипелагѣ, возбудивъ Майнотовъ къ возстанію (22). Знаменитаго визиря Магометова, Ахмета Купроглы, уже не было въ живыхъ; преемниками его были люди невысокихъ способностей; султанъ безпрестанно смѣнялъ ихъ въ угоду войскамъ и наконецъ безразсудною своею слабостію довелъ янычаръ до бунта, который кончился собственнымъ его низложеніемъ (1687).

Но безпорядки этимъ еще не ограничились. Возведенный на престолъ Солиманъ II не могъ унять ни войска, привыкшаго къ неповиновенію, ни пашей, которые ссорились и воевали между собою и возмущались противъ правительства. Славянскія племена, покоренныя Турками, послѣдовали примѣру Грековъ и подняли оружіе; вся Морея была покорена знаменитымъ Морозини; войска же турецкія, вмѣсто того чтобъ защищать границы имперіи, самоуправствовали въ Константинополѣ: дорога къ этой столицѣ была открыта!

Разсчитывая по этимъ даннымъ вѣроятности успѣха и горячо поддерживаемая Голицынымъ, горѣвшимъ смуть неудачу своего похода, царевна объявила къ началу 1689 года вторую кампанію противъ Крыма (23). На этотъ разъ воеводы наши, наученные опытомъ, какое важное вліяніе имѣютъ самыя мелкія подробности на исполненіе обширныхъ предпріятій, занялись придумываніемъ и обсужденіемъ всѣхъ тѣхъ мѣръ военной администраціи, которыя могли облегчить слѣдованіе по ногайскимъ пустынямъ. Рѣшено было (24) идти не удаляясь отъ Днѣпра; отъ мѣста до мѣ-

(22) Hammer. Hist. de l'Emp. Ottoman. Liv. LVIII.

(23) Полн. Собр. Закон. Т. II. № 1224, 1280, 1320.

(24) Tageb. de G. Gordon. Т. II, 249 и слѣд.

ста, на удобныхъ пунктахъ, строить легкія укрѣпленія для оставленія въ нихъ больныхъ, излишняго багажа, изнуренныхъ лошадей, а также для заготовленія на этихъ мѣстахъ фуража, дровъ и проч. на случай обратнаго шествія арміи; для исправленія этихъ обязанностей и охраненія операціонной линіи почиталось достаточнымъ человекъ сто пѣхоты при одномъ или двухъ орудіяхъ на каждомъ пунктѣ. Предполагалось взять нѣкоторыя изъ турецкихъ крѣпостей, расположенныхъ по Днѣпру, чѣмъ ограждались сообщенія арміи съ Россіей, и для этого приготовлены были и розданы войскамъ лодки и особые паромы съ высокими парапетами, которые должны были замѣнить бруствера... Везли штурмовыя лѣстницы, заранее приготовленныя; предполагалось испытать метанье ручныхъ гранатъ изъ гаубиць, словомъ, придумано было множество мѣръ, конечно странныхъ по большей части или незначительныхъ при настоящемъ состояніи военныхъ наукъ, но доказывавшихъ очевидный успѣхъ въ сравненіи съ походомъ Ромодановскаго, а еще болѣе доказывавшихъ, что приготовленія ко второму крымскому походу привели умы нашихъ военачальниковъ въ большое движеніе.

Еще снѣгъ лежалъ на поляхъ, когда разные отряды нашей арміи начали вытягиваться къ Ворсклѣ. Голицынъ, слѣдя за ихъ движеніями изъ Москвы, торопилъ ихъ, слалъ къ нимъ гонцовъ за гонцами, желая пройти степь пока трава молода еще и не можетъ быть подожжена (25).

Въ исходѣ апрѣля всѣ сборы кончились. Голицынъ собрался ѣхать къ арміи. Въ день отправленія его, Москва огласилась воскреснымъ звономъ. Весь царскій домъ и придворные присутствовали при напутственномъ молебствіи (26). Патріархъ кропилъ святою водою знамена и образа, предназначенные въ походъ, и государи, проводивъ ихъ до Никольскихъ воротъ, допустили къ рукѣ какъ главнаго, такъ и прочихъ воеводъ.

Между тѣмъ получено было извѣстіе, что значительное татарское войско выступило изъ Крыма въ Волынь; обстоятельство это было весьма благопріятно для открытія кампаніи, и Голицынъ, чтобъ имъ воспользоваться, поспѣшилъ двинуть войско (27). Оно

(25) Крекш. 76.

(26) Древ. Русс. Впліювика т. XI. 163.

(27) Ист. Мал. Россіи, III. гл. XXIV. Георгія Конисскаго, въ Чт.

слѣдовало двумя отдѣльными колоннами для облегченія въ продовольствіи; предосторожности были строго соблюдаемы: казачьи разъѣзды посыпались во все стороны для собиранія свѣдѣній. Захватываемые ими плѣнные подтверждали, что дѣйствительно ханъ съ большими силами находится въ отсутствіи. Это обстоятельство заставляло ускорить движеніе русской арміи, которая могла подступить къ Крыму, какъ полагали, врасплохъ, и можетъ быть по этому самому отмѣнено было первоначальное предположеніе овладѣть Асланъ-и Кизи-Кирменемъ. Къ первому изъ этихъ укрѣпленій направлень былъ отрядъ, скорѣе, кажется, для рекогносцировки, чѣмъ для овладѣнія имъ. Но замѣтя сильную партію Татаръ, слѣдовавшую къ Перекопу, армія наша пошла далѣе,—все еще, по видимому, питая надежду неожиданно явиться подъ Перекопомъ.

Надежда эта и дѣйствительно могла бы исполниться, еслибъ старинныя нашираты были удобоподвижныѣ; но слѣдуя по пяти, много десяти верстъ въ день, трудно было налетѣть врасплохъ на Крымцевъ; уже мелкіе ихъ отряды стали кружиться вокругъ нашей арміи, не нанося ей конечно вреда, но доказывая, что слѣдованіе ея открыто. При движеніи передоваго полка чрезъ такъ-называемую Зеленую Долину 15-го мая, довольно сильная партія Татаръ неожиданно и стремительно ударила на него и произвела минутное замѣшательство. Нанашеніе это было само по себѣ ничтожно, по тогъ, кто знакомъ съ духомъ непріятели подобнаго Крымцамъ, угадалъ бы, что гдѣ нибудь недалеко, позади этой малой шайки, слѣдуютъ большія силы. И точно, не успѣла улечься пылъ послѣ разсыпавшихся по стени Татаръ, какъ съ другой стороны поднялось облако пыли и показались страшныя массы непріятели: это былъ самъ Селимъ-Гирей; получивъ извѣстіе о движеніи Русскихъ, онъ безъотдыха, безъ усталости, прилетѣлъ съ пятьюдесятью тысячами лучшихъ своихъ наѣздниковъ изъ глубины Бессарабіи.

Съ этой минуты Русскіе, хотя и не встрѣчали рѣшительнаго отпора, но не могли ступить шага безъ того, чтобы не слышать дикаго гиканья Татаръ. При переправѣ чрезъ Черную Долину (въ сорока пятиверстахъ отъ Перекопа) Татары въ большихъ силахъ и съ оже-

Имп. Общ. 1838.—Engel. 289.—Tageb. d. G. Gordon, 254.—Акты Археогр. Эксп. т. IV № 300.

сточеніемъ кинулись на передовой полкъ. Шейнгъ, командовавшій имъ, остановился, сдвинулъ повозки, оградился рогатками и далъ отпоръ. Тогда Татары обратились на Сѣвскій разрядъ (правая рука), предводимый Неплюевымъ, и на казаковъ. Неплюевъ выдержалъ нападеніе и отбилъ его, но казаки замѣшались, потеряли нѣсколько орудій, и только сердюки (гетманская стража), подошедшіе имъ на помощь, предупредили дальнѣйшій безпорядокъ.

Послѣ этой сшибки Татары удалились въ Перекопъ, который былъ наскоро укрѣпленъ, сожгли его предмѣстія и приготовились твердо удерживать этотъ входъ въ свой полуостровъ. Русская армія наконецъ достигла его и расположилась. Станъ нашъ занималъ обширное пространство, примыкая правымъ флангомъ къ морю, и имѣлъ позади себя небольшую рѣчку, на ту пору пересохшую.

Голицынъ счелъ болѣе выгоднымъ штурмовать Перекопъ, нежели добывать его осадю. Къ этому и дѣйствительно было много причинъ: и незначительныя оборонительныя средства укрѣпленія, и затруднительность продовольствовать нашу кавалерію (не иначе какъ фуражировками), и опасеніе насчетъ провіанта въ этихъ мѣстахъ, пустынныхъ, лишенныхъ всякихъ жизненныхъ потребностей. Рѣшеніе Голицына было слѣдовательно весьма благоразумно и тѣмъ болѣе замѣчательно, чѣмъ менѣе подобныя быстрыя дѣйствія были въ обычаяхъ старинной русской тактики. Узнавъ о намѣреніи главнокомандующаго нашего, ханъ послалъ къ нему гонца съ мирными предложеніями. Голицынъ имѣлъ неосторожность согласиться на переговоры; онъ, съ своей стороны, послалъ въ Перекопъ свои условія; начались переговоры; гонцы слѣдовали за гонцами, время уходило, и въ русскомъ лагерѣ сталъ оказываться недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, появились болѣзни, послышался ропотъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ханъ становился все менѣе сговорчивымъ, и наконецъ объявилъ, что онъ не иначе намѣренъ договариваться, какъ съ тѣмъ, чтобы мы заплатили ему дань за прошедшіе года. Обманъ Татаръ и ошибка Голицына обнаружались, но поправлять ее уже не было возможности, потому что съ одной стороны Перекопъ былъ приведенъ въ хорошее оборонительное положеніе и огромныя толпы защитниковъ успѣли собраться въ немъ, а съ другой недостатки ослабили русскую армію и распространили въ ней ропотъ и неудовольствіе. Не оставалось болѣе ничего, какъ отступить во второй разъ—во второй разъ претерпѣть стыдъ неудачи.

Мы рассказали походъ этотъ на основаніи всѣхъ справокъ, какія только могли собрать о немъ: теперь выскажемъ о немъ собственное наше мнѣніе. Какъ министръ, вступившій въ союзъ противъ Турціи, съ тѣмъ чтобы завладѣть Крымомъ, или по крайней мѣрѣ запереть въ немъ Татаръ, Голицынъ естественно устремился къ Перекопу; но по недостаточности свѣдѣній въ военной наукѣ, онъ не въ состояніи былъ разчесть что политическая цѣль войны достигается иногда посредствомъ предварительныхъ, сложныхъ, медленныхъ дѣйствій стратегическихъ. Положимъ, мы дошли бы до Перекопа, можетъ быть взяли бы его, и сильно укрѣпившись тамъ, замкнули бы выходъ Татарамъ изъ ихъ полуострова, но было ли бы прочно такое положеніе дѣлъ? При тогдашней измѣчивости политики, достаточно было на престолѣ польскомъ сѣсть кому нибудь другому, вмѣсто Собіесскаго, чтобы Турки помирились съ Поляками, и владѣя рядомъ крѣпостей по правому берегу Днѣпра, отрѣзали всякое сообщеніе покореннаго нами Перекопа съ Россією. Поэтому, прежде чѣмъ безразсудно устремиться къ вратамъ Крымскаго полуострова, необходимо было прочно утвердиться на Днѣпрѣ, совершенно обезопасить себя со стороны Турціи и надежно упрочить за собою Запорожье, и тогда уже сказать крымскому хану: покоряйся, или ты не выйдешь изъ своего полуострова! Но спрашиваемъ: кто изъ русскихъ полководцевъ XVII вѣка могъ задумать такой сложный планъ кампаніи? Свѣтлый взглядъ политики могъ указать крайнюю цѣль войны, но привести ее въ исполненіе, конечно, никто не могъ въ тогдашней Россіи.

Съ другой стороны, можно ли винить Голицына за то, что онъ не предвидѣлъ всѣхъ затрудненій совершенно новаго рода войны, довѣрился мнѣнію опытныхъ иностранныхъ офицеровъ и повелъ Русскихъ въ Крымъ? Нѣтъ, по справедливости, потому что противники этого похода не могли указать его трудностей.

Современники обвиняли Голицына въ измѣнѣ, говоря, что онъ былъ подкупленъ ханомъ; за ними нѣкоторые повѣйшіе писатели, серьезные и добросовѣстные, какъ Энгель, повторили эти обвинения: Желябужскій напримѣръ опредѣляетъ даже количество золота, за которое Голицынъ продалъ славу Россіи и собственную честь, присовокупляя между прочими подробностями, что бѣдшая часть татарскихъ червонцевъ оказалась фальшивыми.

Подробности эти до такой степени странны и невѣроятны, что не заслуживаютъ серьезнаго опроверженія, и наводятъ подозрѣніе и на все обвиненіе въ измѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели «боченокъ золота» могъ быть такимъ сильнымъ соблазномъ для перваго саванника въ государствѣ, для человѣка, на котораго сыпались щедроты правительницы, и который, какъ мы видѣли, помогаль жителямъ Чигирина изъ собственнаго кошелька?... Притомъ же взятіе Перекопа доставило бы ему больше отъ царевны, нежели сколько могъ заплатить ему ханъ за измѣну, не говоря о томъ, что въ одной чашкѣ вѣсовъ были для него слава, честь, а въ другой презрѣннѣйшее преступленіе! Но во времена грубости и невѣжества «измѣна» есть слишкомъ обыкновенное объясненіе неудачъ; еще въ эпоху, не такъ отдаленную отъ насъ, озлобленный неудачами народъ пятналь подозрѣніемъ въ измѣнѣ одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ характеровъ; Голицынъ же, еще болѣе несчастливый, былъ обвиняемъ въ подкупѣ тогда когда онъ заставляль польшу подписать вѣчно славный для Россіи трактатъ 1686 года.

Какъ историческое лицо, Голицынъ имѣль странную и несчастную судьбу; онъ является предъ судомъ потомства безъ друзей, безъ кліентовъ, безъ заступниковъ: всѣхъ ихъ умчала и разметала буря, низвергшая царевну Мѣсто Софіи и ея любимца заступили люди нерасположенные къ прежнему порядку дѣлъ, можетъ быть и имѣвшіе причины быть имъ недовольными; явились новые дѣлатели, совершены были новые, успѣшные, громкіе подвиги, и недавняя старина была забыта; а кто и помнилъ, тотъ, поддѣлываясь подъ новый духъ времени, старался ее забывать, или воспоминаль, чтобъ пустить про нее клевету: таковъ былъ на примѣръ Желябужскій, нашедшій средство сказать ядовитое слово про Голицына, подписывающаго договоръ, которымъ возвращались отечеству области сѣверская и смоленская, Кіевъ и Запорожье.

Но каково бы ни было мнѣніе потомства о Голицынѣ, въ Москвѣ ожидала его гроза, уже готовая разразиться.

Царевна и теперь, какъ послѣ перваго похода, вознамѣрилась щедрою наградою и публичнымъ одобреніемъ обуздать выраженіе общаго неудовольствія; но на этомъ разъ она встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны царя Петра. Ему было тогда уже

семнадцать лѣтъ, и какъ тѣломъ; такъ и духомъ онъ былъ близокъ къ полной возмужалости. Онъ былъ уже обвиняемъ съ Евдокіею Федоровною Лопухиною, и ожидалъ въ непродолжительномъ времени и самъ сдѣлаться отцомъ; въ душѣ своей онъ глубоко сознавалъ величіе, и щедрою къ нему природою, и правами рожденія ему дарованное; онъ любилъ власть, и съ нетерпѣніемъ сносилъ зависимость отъ сестры, которую любить не научился ни изъ собственныхъ воспоминаній, ни изъ чувствъ къ ней окружавшихъ его лицъ. Молодой любимецъ его, Лефортъ, участвовавшій въ послѣднемъ походѣ (28), и имѣвшій довольно просвѣщенный понятія о веденіи войны, конечно не въ блестящемъ видѣ представилъ ему, повозвращеніи, дѣйствія главнаго воеводы и войскъ посланныхъ царевной. И царь не скрывалъ своего неудовольствія; онъ не хотѣлъ согласиться на награды и похвалы, которыми правительница намѣревалась прикрыть вторую неудачу своего любимца и свою собственную, такъ что ей нужно было въ этотъ разъ употребить много просьбъ и ласкательствъ, чтобъ побѣдить сопротивление молодого царя. Но наконецъ онъ согласился, и 27 іюля была обнародована похвальная грамота начальнику и участникамъ экспедиціи противъ Перекопа, и всѣ отъ перваго до послѣдняго щедро были награждены (29). Однакожь Петръ не согласился допустить къ себѣ тѣхъ изъ воеводъ, генераловъ и вообще начальствующихъ лицъ, которые по окончаніи похода возвратились въ Москву (30). Разрывъ между младшимъ царемъ и правительницею, бывшій и прежде этого не тайною для Москвы, сталъ теперь очевиднымъ.

Такое раздѣленіе верховной власти не могло долго существовать: или царевна должна была покориться Петру, или ему надлежало осудить себя на неопредѣленно-долгое политическое младенчество. Кто зналъ смѣлый нравъ и молодую, но уже твердую волю Петра, тотъ не могъ ожидать, чтобъ онъ добровольно подчинился сестрѣ своей; съ другой стороны, царевна такъ пламенно добивалась власти, что невозможно было предположить, чтобъ и она безъ сопротивленія выпустила ее изъ рукъ. Россія въ теченіи се-

(28) Tageb. d. G. Gordon, t II. 263.

(29) Полн. Собр. Зак. Т. III. № 1343.

(30) Tageb. d. G. Gordon, t. II 266.

ми ятъ ея правленія привыкла видѣть въ ней олицетвореніе правительства; изъ ея воли истекали и щедроты и наказанія; всѣ высшія должности въ государствѣ были замѣщены по ея избранію, слѣдовательно людьми ей преданными, или по крайней мѣрѣ связанными съ нею своими интересами.

Въ такихъ обстоятельствахъ затруднительно было положеніе царедворцевъ. Но затруднительнѣе всѣхъ было положеніе самой царевны. Уступить Петру недопускали ее ни страсть, ни привычка властвовать, а между тѣмъ она немогла невидѣть, что въ лицѣ этого юноши, пылкаго, смѣлаго, своеобразнаго и уже властолюбиваго, во многомъ на нее похожаго, возникаетъ сила, которая должна одолѣть ее. Его военныя игры, которыя, сказываютъ, она поощряла какъ бесполезную трату времени, не могли болѣе казаться ей пустою забавою, когда не только Преображенское село, но и Семеновское едва вмѣщало всѣхъ его потѣшныхъ, и когда при этихъ стройныхъ, дисциплинированныхъ зачаткахъ пѣхотныхъ ратей, было приступлено къ образованію регулярной кавалеріи; когда подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ воздвигались близъ Москвы укрѣпленія, и молодой царь то защищалъ, то атаковалъ ихъ противъ своихъ учителей; когда наконецъ онъ началъ вводить новое образованіе войскъ и между стрѣлецкими полками (31). Конечно, царевна могла еще не угадывать и малой доли преобразований, совершенныхъ послѣ въ Россіи Петромъ, но въ этихъ, постепенно развивавшихся и расширявшихся занятіяхъ нельзя было уже невидѣть системы, какого-то предначертаннаго плана. Конечно на эти нѣмецкія ухищренія недовѣрчиво и недружелюбно смотрѣло огромное большинство стариннаго боярства; но мы замѣчаемъ однакоже въ числѣ приближенныхъ Петра, въ это самое время, князя Бориса Алексѣевича Голицына, двоюроднаго брата царевнина любимца, князя Прозоровскаго, Стрѣшнева, Бутурлина, людей именитыхъ; знаемъ, что патріархъ былъ душевно преданъ вдовствующей царицѣ, да и Нарышкины были не всѣ истреблены въ въ 1682 году. Изъ этого съ полнымъ убѣжденіемъ должно заключить, что молодой царь хотя и продолжалъ жить въ подмосковныхъ селахъ своихъ, но пересталъ уже быть болѣе удаленнымъ, чѣмъ удалившимся отъ двора отрокомъ, и что въ эпоху окончанія вто-

(31) Дѣян. Пет. Вел. Голикова, т. I, 178 и слѣд.

раго крымскаго похода онъ сдѣлался властію, съ которою правительница принуждена была очень осмотрительно обращаться, властію, которая долженствовала возрастать съ каждымъ днемъ.

Тогда-то, повѣствуютъ современные лѣтописцы, родилась въ умѣ царевны мысль отдѣлаться отъ угрожавшей опасности бра-тоубійствомъ... Не смѣемъ отвергать этого почти всеобщаго свидѣтельства, неимѣя нато основательныхъ доказательствъ, но не рѣшаемся и признать безусловно преступленія, далеко не утвержденного внимательнымъ изслѣдованіемъ. Процессъ царевны и Шакловитаго еще не открытъ историческимъ изысканіямъ; въ офиціальныхъ же, обнародованныхъ документахъ о покушеніи Шакловитаго, имени царевны не находимъ. Неимѣя слѣдовательно возможности изслѣдовать самаго, такъ сказать, dna истины, мы ограничимся краткимъ изложеніемъ послѣдующихъ событій; мы поступимъ такъ и по тому еще, что нѣкоторыя обстоятельства, ихъ сопровождавшія, хотя и довольно единогласно современниками разказанныя, и подкрѣпленныя отчасти офиціальными документами, оставляють однакожь много вопросовъ, на которые разрѣшенія не находимъ.

Несомнѣннымъ кажется то, что въ ночи на 8 августа Шакловитый, съ нѣсколькими сообщниками своими изъ стрѣльцовъ, покушался проникнуть въ Преображенское село, гдѣ находился Петръ съ своимъ семействомъ. Но царь былъ въ-время предупрежденъ и успѣлъ ускакать верхомъ отъ угрожавшей ему опасности, а потомъ укрылся въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, куда вскорѣ прибыли и семья царская и нѣкоторыя приближенныя ей лица.

Узнавъ о случившемся, Москва пришла въ ужасъ и недоумѣніе: чему, какому тайному побужденію приписать преступный замысль Шакловитаго? на чью сторону склониться? на сторону ли вѣнчаннаго царя, Богомъ спасеннаго, невинно угрожаемаго, но почти одинокаго, едва неизгнанника, или на сторону царевны, запятнанной покровительствомъ чловѣку, покушавшемуся на цареубійство, но раздавательницѣ милостей, облеченной властію карать, и при которой находился другой царь, равно вѣнчанный и старшій?... Недоумѣніе это было не продолжительно. Изъ среды преданнѣйшихъ доселѣ царевнѣ людей поданъ былъ сигналъ противъ нея. Полковникъ Циклеръ тайно доставилъ Петру доносъ

на Шакловитаго и черезъ нѣсколько дней самъ прибылъ къ царю (32). Изъ стрѣлецкаго войска Сухаревскій полкъ остался вѣренъ Петру, да и вообще много стрѣльцовъ, — обстоятельство довольно замѣчательное, — изъявляли желаніе послѣдовать за Циклеромъ, и были удержаны лишь угрозами Шакловитаго и страхомъ наказанія. Наконецъ смѣлая, рѣшительная дѣйствія Петра и смущеніе противной партіи дали окончательный толчокъ колебавшимся умамъ.

Петръ громко кликнулъ къ себѣ защитниковъ, откровенно и съ гнѣвомъ указывая на покушеніе противъ себя Шакловитаго, и на голосъ его начали мало по малу стекаться и московскіе люди, и жители окрестныхъ мѣстъ. Царевна напротивъ не обнаружила въ эти послѣдніе дни своего правленія ни малѣйшей доли той энергіи, которую обнаружила въ первые. Чему приписать это? Смущенію ли, почти всегда неизбѣжному въ неправомъ дѣлѣ, или вліянію той исторической судьбы, того зловѣщаго призрака, который какъ будто возникаетъ предъ очами правительствъ, обреченныхъ паденію, помрачаетъ самые свѣтлые умы, смущаетъ самые рѣшительные характеры, разрушаетъ въ прахъ самые обдуманые планы: явленіе, которое замѣчаемъ мы въ нашей исторіи при Годуновѣ, въ англійской при Карлѣ I, во французской при Лудовикѣ XVI? Какъ бы то ни было, дѣйствія царевны представляются намъ въ эти минуты безсвязными, нерѣшительными, противорѣчащими одно другому

Сказано выше, что Шакловитый угрозами и страхомъ наказанія удержалъ многихъ стрѣльцовъ отъ перехода на сторону Петра; но между тѣмъ къ нему былъ отправленъ для переговоровъ князь Троекуровъ, который кажется и не возвратился въ Москву. Петръ не принялъ ни объясненій, ни предложеній сестры своей, и отвѣчалъ на нихъ требованіемъ, чтобы къ нему явились выборные люди отъ стрѣлецкихъ полковъ. Въ отвѣтъ на это былъ отправленъ князь Прозоровскій съ духовникомъ старшаго царя просить примиренія; между тѣмъ распространяли слухъ, что не царь самъ, а злонамѣренные люди, пользуясь его именемъ, стараются поселить раздоръ въ семьѣ царской... Къ такимъ-то ничтожнымъ средствамъ прибѣгали царевнины совѣтники въ эти рѣшительныя минуты! Между тѣмъ время шло и работало за Петра.

(32) Tageb. d. G. Gordon. t II, 267

Софія, все еще не теряя повидимому надежды на силу убѣжденій, уговорила тетку свою, царевну Татіану Михайловну, и сестеръ Марю и Марію Алексѣевнъ отправиться къ Троицѣ; но онѣ, вѣроятно увѣрившись въ правотѣ негодованія Петрова, не возвратились болѣе въ Москву (33); также поступилъ и патріархъ.

По мѣрѣ успѣховъ своихъ, Петръ становился настойчивѣе и наконецъ потребовалъ, чтобъ Шакловитый, Медвѣдевъ и ихъ сообщники были ему выданы. Это требованіе взволновало пылкій духъ Софіи, и она приказала казнить гонца, привезшаго это требованіе. Но скоро однакожь передумала. Это было 4-го сентября, въ день празднованія новаго года. По этому поводу много людей всякаго званія собралось во дворецъ. Царевна вышла къ нимъ, милостиво ихъ привѣтствовала и сказала, что люди злонамѣренные ссорятъ ее и царя Іоанна съ меньшимъ братомъ, стараясь въ то же время очернить въ глазахъ сего послѣдняго полезныхъ отечеству людей; что желая разяснить недоумѣніе, она сама ѣздила къ брату, но не была допущена (34), что семь лѣтъ она правила государствомъ при трудныхъ обстоятельствахъ и успѣла усмирить враговъ Св. Креста, съ другими же сосѣдями заключить славный для Россіи миръ, и наконецъ обѣщала милость свою тѣмъ, кто останется ей вѣренъ, и жестокое наказаніе ослушникамъ. Царевна говорила прекрасно, замѣчаетъ Гордонъ (35); но что значатъ слова въ подобныхъ обстоятельствахъ, прибавимъ мы! Не дальше какъ на другой день весь полкъ Гордона оставилъ Москву.

Это былъ первый полкъ, въ полномъ составѣ передавшійся Петру: обстоятельство это замѣчательно; остановимся на немъ.

Еще 2-го сентября, пишетъ тотъ же Гордонъ, нѣсколько человекъ изъ Нѣмецкой-Слободы отправились къ Троицѣ. Кто были эти нѣсколько человекъ? Стрѣльцы? солдаты? не думаемъ, потому что такъ было бы конечно и сказано. Вѣроятнѣе кажется намъ, что это были сами жители Нѣмецкой Слободы, то есть Нѣмцы

(33) Дѣян. Пет. Вел., Голикова, т. I. 215.

(34) Голиковъ говоритъ, т. I, 217: Троеукову приказано было сказать ей, чтобъ она возвратилась, или въ противномъ случаѣ съ ценою «будеть поступлено нечестно».

(35) Tageb. d. G. Gordon, II, 271.

или вообще иностранцы. Мы допускаемъ это предположеніе и потому еще соображенію, что Гордонъ поручилъ имъ извиниться за себя предъ царемъ и объяснить, что онъ не знаетъ, угодно ли будетъ государю его прибытіе. Подобное порученіе можно передавать только чрезъ людей очень близкихъ, каковы иноземцы между собою на чужбинѣ.

Сближая съ этимъ то обстоятельство, что изъ числа стрѣлечныхъ полковниковъ первый вступилъ въ сношенія съ Петромъ Циклеръ, тоже иностранецъ, и наконецъ, что по совершеніи уже казни надъ измѣнниками, иностранцы были особо допущены цѣловать руку царя (36), сближая, говоримъ, и соображая все это, мы приходимъ къ двумъ заключеніямъ: во первыхъ, что иноземное народонаселеніе Москвы и число иностранныхъ офицеровъ въ нашихъ войскахъ было вообще предано Петру, что и весьма естественно, если припомнимъ милости его къ Дефорту и Тиммерману, и упоминаемыя нѣкоторыми иностранными писателями, частыя его посѣщенія Нѣмецкой-Слободы. Во вторыхъ, мы заключаемъ, что въ это время иноземный элементъ былъ въ Москвѣ далеко не ничтоженъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще царь Алексѣй набиралъ за границею офицеровъ; бояринъ Матвеевъ, какъ мы видѣли, ласкалъ иностранцевъ; правительство царевны имъ покровительствовало. Такимъ образомъ Нѣмецкая-Слобода населялась и обогащалась торговлею и промышленностію, которыя многими отраслями своими находились исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Шлейссингъ, издавшій свою книгу (37) въ 1693 году, и слѣдовательно писавшій ее въ эпоху, которою мы занимаемся, упоминаетъ о двухъ прекрасныхъ аптекахъ, содержимыхъ Нѣмцами, и о значительномъ числѣ иноземныхъ медиковъ, изъ коихъ нѣкоторые пользовались большою репутаціею (какъ напримѣръ Блумен-тростъ); акакъ Петръ не только покровительствовалъ, подобно своимъ предшественникамъ, но и лично ласкалъ иноземцевъ, то не мудрено, что съ одной стороны они успѣшили передаться ему, а съ другой, что ихъ примѣръ имѣлъ не маловажное вліяніе и на Москву въ подобныхъ обстоятельствахъ, и на самое теченіе дѣлъ, ибо переходъ цѣлаго полка, которымъ командовалъ притомъ гене-

(36) Tageb. d. G. Gordon, II, 278.

(37) Die beiden Zaaren, 25.

ралъ, отличенный правительствомъ царевны, и доносъ, поданный однимъ изъ полковниковъ стрѣлецкаго войска, нѣкогда главной опоры этого правительства, суть обстоятельства значительныя, которыя въ минуту шаткости и колебанія умовъ должны были сильно подѣйствовать въ пользу Петра и противъ царевны.

Въ самомъ дѣлѣ, съ этой минуты дѣло прежняго правительства можно считать проиграннымъ. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, продолжавшій и въ эти минуты сохранять родственныя связи съ княземъ Василюемъ, убѣждалъ его не медлить принесеніемъ покорности; Петръ требовалъ къ отвѣту Шакловитаго. Нѣсколько дней тому назадъ царевна на подобное требованіе отвѣчала угрозами, теперь она смутилась; старшій царь объявилъ, что онъ поддерживать ее противу брата не станеть; окружающіе молили ее не раздражать Петра (такъ какъ нѣкогда они убѣждали царицу Наталью Кириловну выдать Швана Нарышкина), и судьба Шакловитаго, — злодѣя, положимъ, но преданнаго, но вѣрнаго царевнѣ, — была рѣшена: онъ былъ выданъ на очевидную смерть. Какого еще доказательства смиренія можно было ожидать? и кто изъ преданныхъ прежнему правительству людей могъ послѣ этого считать себя безопаснымъ? Не думая болѣе искать покровительства у царевны, такъ очевидно сознавшей свое безсиліе, лучшіе слуги ея, воеводы крымской арміи, еще недавно публично осыпанные похвалами и милостями, Неплюевъ, Зміевъ, Косоговъ, участникъ славнаго договора съ Польшею, Украинцевъ, и наконецъ самъ Голицынъ, рѣшились отправиться въ Троицкій монастырь по приказанію молодаго царя, котораго преобладаніе надъ сестрою не оставляло болѣе и тѣни сомнѣнія. Правленіе ея, можно сказать, кончилось.

Два дня жилъ могущественный любимецъ Софіи въ слободѣ монастырской, ожидая приговора и возлагая всю надежду на заступленіе и ходатайство своего двоюроднаго брата, челоуѣка близкаго царю Петру, князя Бориса Алексѣевича. 9-го сентября, вечеромъ, его и другихъ прибывшихъ съ нимъ воеводъ потребовали въ монастырь. Они пришли пѣшкомъ съ поникшими главами; въ тѣсной избѣ (кельи?), куда Голицынъ вступилъ, и которая была полна народа, ему приходилось проталкиваться, говоритъ Гордонъ; на него уже никто не обращалъ вниманія, никто не хотѣлъ замѣчать его, а если кто и замѣчалъ, то развѣ для того, чтобъ

оскорбить словомъ или хоть взоромъ. Наконецъ было прочтено царское рѣшеніе: за то что они, то есть князь Василій и его сынъ Алексѣй, докладывали царевнѣ «о всякихъ дѣлѣхъ мимо ихъ», и писали имя ея обще съ именами государей, да за неудачу похода противъ Татаръ, оба они, отецъ и сынъ, лишены были боярскаго сана и приговорены къ ссылкѣ; имѣніе же ихъ отбиралось въ казну. Къ такому же наказанію приговоренъ былъ Неплюевъ. Зміевъ ссылался на вѣчное житіе въ свое костромское имѣніе, Косоговъ и Украинцевъ были освобождены отъ всякаго взыскація (38).

Не зная въ подробности, что было раскрыто въ дѣлѣ Шакловитаго, не можемъ сказать, въ какой мѣрѣ всѣ лица, подвергшіяся наказаніямъ, и въ чемъ именно, были найдены виновными вышешприведенныя же обвиненія не довольно опредѣленны. Но приближенныя къ Петру лица были недовольны слишкомъ снисходительнымъ приговоръ Голицына; говорили, что братъ его, князь Борисъ, скрылъ часть его преступленій, и сей послѣдній едва не лишился милости царской (39). Постѣшимъ однакожь прибавить, что онъ успѣлъ безъ труда оправдаться въ глазахъ царя, и не усомнился пріѣхать утѣшать пораженнаго несчастіемъ своего родственника, котораго онъ даже провожалъ нѣсколько верстъ, по дорогѣ въ Москву къ великому соблазну новыхъ приверженцевъ возникавшаго правительства: черта великаго благородства, дѣлающая столько же чести самому князю, сколько и царю, который не оскорбился его участіемъ къ любимцу царевны.

11-го числа казнены Шакловитый и многіе изъ его сообщниковъ; другіе сосланы въ сибирскіе города на вѣчное житіе (40). И долго еще—даже въ слѣдующемъ году—грозные указы, поражавшіе лица, болѣе или менѣе замѣшанныя въ соучастіи съ Шакловитымъ, поддерживали въ народѣ пугливое о немъ воспоминаніе!...

Черезъ нѣсколько времени послѣ казни Шакловитаго былъ привезенъ въ Троицкій монастырь и казненъ смертію пойманный въ Смоленской области монахъ Селиверстъ Медвѣдевъ, записки коего намъ бывали часто полезны при изученіи описываемой эпо-

(38) Полн. Собр. Зак. Т. III, № 1348.

(39) Tageb. d. G. Gordon, II. 278.

(40) Полн. Собр. Зак. Т. III, № 1349.

хи, «чернецъ великаго ума и остроты», какъ выразился о немъ одинъ изъ современниковъ, челоѡкъкъ непріязненной ему партіи.

Наконецъ очередь дошла и до самой царевны: 7-го сентября послѣдовалъ указъ (41) объ исключеніи ея имени изъ царскаго титула. Она была отстранена отъ изъ участія въ правленіи и наконецъ удалена въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ въ послѣдствіи приняла чинъ инокини подъ именемъ сестры Сусанны и послѣ пяти лѣтъ унылаго заключенія скончалась, какъ гласитъ надпись на ея гробницѣ, сорока шести лѣтъ, девяти мѣсяцевъ и шестнадцати дней отъ рожденія, 4-го іюля 1704 года.

Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ полтора ста лѣтъ; далеко ушла съ того времени Россія на поприщѣ и гражданскаго устройства и просвѣщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ почувствована была потребность отдать себѣ отчетъ во всемъ совершившемся; судьбы отечества сдѣлались предметомъ горячаго изученія сначала небольшого числа избранныхъ людей, потомъ и всего образованнаго большинства въ Россіи. Преобразование, совершенное Петромъ, плодovitыя царствованія Іоанновъ, смутное время самозванцевъ, тяжкое иго Татаръ, темныя години распрей удѣльныхъ, отдаленнѣйшая древность нашего отечества, домашній бытъ нашихъ предковъ, судьбы дикихъ и давно исчезнувшихъ племенъ, соприкасавшихся съ народомъ Русскимъ,—подвергались изученію внимательному, глубокому, терпѣливому; но о семи годахъ правленія царевны Софіи упоминалось только вскользь, мимоходомъ, въ учебникахъ; отдѣльнаго же изученія ихъ никто не предпринималъ до сего времени.

Это образовало пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. Царствованіе Петра представляется намъ безъ всякой почти связи съ предшествующими; мы слишкомъ буквально пріучились понимать слова: Петръ создалъ Россію. Петръ произвелъ въ пей огромную реформу,—переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный; но въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ, и

(41) Полн. Собр. Зак. Т. III. № 1347.

при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петра, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая такъ называемую древнюю, до-петровскую Русь съ Россіей новою, европейскою.

Укажемъ напримѣръ на мѣстничество, истребленное за нѣсколько лѣтъ до воцаренія Петра: не было ли *соборное дѣланіе* царя Феодора явнымъ переходомъ отъ понятій о старшинствѣ родовъ къ понятію о старшинствѣ чиновъ, отъ заслуги рода къ заслугѣ лица? Да и не видали ли мы во время крымскаго похода, при царевнѣ, въ числѣ воеводъ, вслѣдъ за Шеинымъ и Долгоруковымъ, Леонтьева, челоука хотя и родовитаго, но принадлежавшаго къ роду, въ то время захудалому? Петръ, говорятъ, первый открылъ доступъ иностранцамъ: мы думаемъ, что онъ только шире своихъ предшественниковъ открылъ иностранцамъ двери въ Россію, настойчивѣе вызывалъ ихъ, но мы видѣли выше, что и прежнія правительства не были имъ враждебны, а царевна имъ покровительствовала даже въ отношеніи къ ихъ вѣроисповѣданіямъ. Прибавимъ къ этому, что Петръ приобрѣлъ три нѣмецкія провинціи, которыя разумѣется значительно усилили нѣмецкій элементъ, существовавшій, какъ было замѣчено, и прежде въ нашемъ войскѣ. Петръ конечно болѣе прежнихъ царей дѣлалъ иноземцевъ, сблизался съ ними, быстро возвышалъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ достойными (не всегда однакожь справедливо, какъ напримѣръ дюка де-Кроа); но мы не думаемъ отвергать мысли, что онъ далеко опередилъ своихъ предшественниковъ: мы только говоримъ, что онъ во многомъ нашелъ болѣе или менѣе явные начатки нововведеній.

Не менѣе ощутительна связь древней Россіи съ новою и въ отношеніи къ внѣшней политикѣ. И царь Іоаннъ IV и Годуновъ стремились къ Балтійскому морю, къ стариннымъ вотчинамъ своимъ: Юрьеву, Копорью, Ижерской землѣ. Царь Алексѣй, не успѣвъ въ войнѣ со Шведами, сдѣлалъ первый шагъ къ югу приобретеніемъ Украйны. Царевна укрѣпила за собою Запорожье, то есть устья Днѣпра и привела Россію въ соприкосновеніе съ Чернымъ моремъ, къ которому она и устремилась, какъ мы видѣли, всѣми силами. Преобладаніе Россіи надъ Польшею началось Андрусовскимъ миромъ и сильно утвердилось договоромъ

1686 года. Наконецъ первая наша наступательная война противъ Турціи, также какъ первый обширный европейскій союзъ, суть явленія, относящіяся къ эпохѣ правленія Софіи. Конечно Петръ въ долгое царствованіе свое далеко оставилъ за собою слабыя и часто неуспѣшныя попытки прежнихъ правленій, — но эти попытки были: вотъ на что стараемся мы указать, не думая тѣмъ умалить заслугъ великаго государя, но отстаивая исторію нашу отъ довольно общаго повѣрья о нелогичности ея теченія, отъ обвиненія въ скачкахъ.

Повѣрью этому дали, кажется намъ, поводъ общественныя преобразованія, введенныя Петромъ. Женщина введена была въ жизнь общественную... Этотъ радикальный глубокій переворотъ сильно поразилъ умы иностранныхъ писателей, говорившихъ о нашей исторіи, равно какъ поразила ихъ внѣшняя сторона нововведеній Петровыхъ: европейскій костюмъ, наружная обстановка общественной жизни. Да и сами мы, видя на стѣнахъ нашихъ дворцовъ, архивовъ, библіотекъ, портреты предковъ нашихъ, изображенныхъ столь различно въ эпохи столь между собою близкія: однихъ въ полуазіятскихъ костюмахъ съ бородами, другихъ въ парикахъ и орденскихъ лентахъ, — мы сами допускаемъ воображенію нашему представлять слишкомъ рѣзкимъ различіе внутреннее, существовавшее между Петровскою эпохою и эпохою предшествовавшею. Только одно внимательное, добросовѣстное, безпристрастное изученіе той и другой можетъ намъ дать о нихъ вѣрное понятіе и поставить на истинную точку зрѣнія какъ правленіе Петра, такъ и правленія, ему предшествовавшія, его породившія, и возстановить въ наукѣ связь, существующую въ дѣйствительности между древнею и новою Россіею.

К О Н Е Ц Ъ.